

УДК 070

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ П. А. АЛЕКСАНДРОВА

Плаксина Е. С., Яблоновская Н. В.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: Ekaterina82777@yandex.ru, yablon@rambler.ru*

Статья посвящена характеристике коммуникационных технологий влияния и анализу их в тексте судебного выступления выдающегося адвоката XIX века П. А. Александрова на процессе по делу Веры Засулич. В результате работы были выявлены конкретные примеры, демонстрирующие коммуникационные технологии воздействия автора на аудиторию – манипуляции и уловки. Посредством текстовых иллюстраций были приведены краткие комментарии с определениями конкретного вида уловки и манипуляции, раскрыта структура и сущность таких приемов. Среди приемов психологического воздействия особенно следует отметить драматизацию, заставляющую аудиторию то испытывать негодование, то сочувствие, то душевную боль. За счет этого аудитория находится в сильном эмоциональном напряжении. Также обращает на себя внимание активное использование мифологического манипулирования через обращение к архетипам жертвы, палача, мстительницы. В числе намеренных логических нарушений в данном тексте по силе влияния мы можем выделить круг в доказательстве и подмену тезиса. Авторы отмечают, что все приемы были использованы как единое целое, все они взаимосвязаны: каждый прием вытекает из предыдущего и усиливает его, не давая аудитории времени на осмысление отдельной фразы или отдельного предложения, благодаря чему публицистический текст достигает желаемого эффекта. Указанные приемы наглядно показывают, как решалась судьба исторической личности Веры Засулич. Использование коммуникационных технологий влияния, с точки зрения авторов, объясняет принятый судом присяжных оправдательный вердикт.

Ключевые слова: манипуляция, уловка, психологическое воздействие, логические ошибки, коммуникационные технологии, русская судебная публицистика.

ВВЕДЕНИЕ

Период XX – начала XXI вв. характеризуются появлением новых информационно-коммуникационных технологий, позволивших существенно усилить воздействие на массовую аудиторию. Технологическое развитие массмедиа: появление массовой прессы, радио, кино, телевидения, развитие типографических технологий, – создало предпосылки для усиления эффектов массовой коммуникации. Политики, журналисты, специалисты в области рекламы и PR стремятся находить новые способы словесного давления, используя различные приемы манипулирования и уловок.

Одновременно с усилением воздействия массмедиа на общественное мнение появились теоретические труды, выявляющие инструментарий воздействия. Среди первых подобных работ наиболее значимыми являлись исследования У. Липпмана (1922) [17], Г. Лассуэлла (1927) [16], Э. Бернейса (1928) [4]. В конце XX – начале XXI вв. появились труды Э. Аронсона и Э. Пратканиса [2], Б. Бессонова [5], Г. Грачева и И. Мельника [9], А. Даниловой [10], И. Дзялошинского [11; 12], Е. Доценко [13], С. Кара-Мурзы [14], Г. Шиллера [27], Э. Шострома [29] и др. ученых, глубоко разработавших понятие манипуляции.

Очевидно, что технологии влияния использовались в коммуникативной практике значительно раньше их широкого распространения в медиапространстве. Например, явление манипуляции под другими названиями было известно со времен Античности. Это были «уловки» совместно с «ошибками». Если намеренная, то уловка; если ненамеренная – то «ошибка». Такими терминами оперирует в своих работах древнегреческий философ Аристотель [1], а в XX в. – русский философ и логик, автор книги «Искусство спора» С. Поварнин [21]. Понятие уловки в различных видах дискурса рассматривали также А. Шопенгауэр [28] и Дж. Милль [18]. В современности исследование уловок проводилось В. Асмусом [3], В. Винокуром [7], В. Панкратовым [19], В. Фроловой [24], Е. Шевченко [25] и др. учеными. Мыслителями прошлого активно использовалось и понятие заблуждения. Классификацию заблуждений представил английский мыслитель Дж. Милль [18]. Все указанные труды составили теоретическую основу нашего исследования.

Чрезвычайно плодотворной отечественной средой для применения подобных коммуникационных технологий явилась русская судебная публицистика конца XIX века, представленная рядом выдающихся ораторов (П. А. Александров, А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, Ф. Н. Плевако и др.). Научный интерес к ней вызывают не только ораторские способности коммуникаторов, но и известность эффекта их воздействия (в качестве судебного решения).

Целью настоящей статьи стало установление коммуникационных технологий влияния в реальной ораторской речи П. А. Александрова в защиту Веры Засулич. Объектом исследования – коммуникационные технологии влияния; предметом – явление манипуляции и уловки в судебной защитительной речи адвоката П. А. Александрова по делу Веры Засулич.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как было отмечено выше, современные ученые неоднократно обращались к явлению манипуляции и уловки. Один из первых исследователей техник пропаганды, Гарольд Лассуэлл, понимал манипуляцию как прием пропаганды по управлению мнениями и установками аудитории [16, с. 54–55].

Американский учёный, философ, психолог, автора монографии «Манипуляторы сознанием» Герберт Шиллер считал манипуляцию средством порабощения разума человека, определяющим его представления, установки и, в конечном счете, его поведение [27, с. 19]. Манипуляторскими, или подтасованными, он называл сообщения, «целенаправленно создающие искаженное представление о действительности и формирующие сознание, не позволяющие осмыслить или умышленно отвергающие реальные условия личной или общественной жизни» [27, с. 19].

Американские исследователи Э. Аронсон и Э. Пратканис, характеризуя манипулятивный характер пропаганды, говорят о «распространении какой-либо точки зрения таким образом и с такой конечной целью, чтобы получатель данного обращения приходил к «добровольному» принятию этой позиции, как если бы она была его собственной» [2, с. 28].

Согласно Стэнфордской энциклопедии философии, существует четыре формы понимания манипуляции [30]:

1. Манипуляция как «обход рационального осмысления». Реализацией этой формы может стать реклама, которая часто действует на подсознательном уровне.

2. Манипуляция как обман или уловка. Данная форма проявляется посредством умышленного воздействия на реципиента: на его ментальные установки, желания, эмоции.

3. Манипуляция как давление. Такая форма не возрастает до уровня насилия.

4. Смешанная форма. Она вмещает в себя две или более формы реализации манипуляции. Например: давление и обман или подавление рационального осмысления, обман, игра посредством нерациональных побуждений, хитрость, давление.

«Скрытым управлением, при котором инициатор достигает своих эгоистических целей, нанося ущерб адресату своего воздействия» называет манипуляцию белорусский социолог и психолог, автор монографии «Манипулирование и защита от манипуляций» В. Шейнов [26, с. 7].

«Преднамеренным и скрытым побуждением другого человека к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей» считает манипуляцию исследовательница технологий влияния Е. Сидоренко [22, с. 49].

Современный российский филолог, лингвист, журналист А. Данилова под языковым манипулированием понимает «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи» [10, с. 12].

Отметим, что А. Данилова использует термин «заблуждение», его же употреблял Дж. Милль в своей книге об уловках. Выбранный нами материал XIX века обязывает нас к применению для его описания более старого термина, а именно «намеренное заблуждение», или «уловка».

Взгляды исследователей на соотношение понятий «манипуляция» и «уловка» расходятся: для части из них уловка – это одна из форм проявления манипуляции [30], для других эти понятия тождественны (уловка – это старое название манипуляции). Мы разводим понятия уловки и манипуляции. В нашем понимании уловка – это создание искаженной картины мира у получателя информации за счет логических нарушений. Манипуляцию же авторы статьи понимают как все формы влияния на эмоционально-психологическое восприятие предмета речи. Значение этих двух терминов объединяется присущей им преднамеренностью, скрытностью, асимметричностью.

Большинство ученых отказывают технологиям манипуляции и уловки в этичности, поскольку они построены на обесценивании воли и желаний реципиентов, т. е. на отношении к людям «как к объектам, особого рода вещам» [12, с. 5]. Особняком стоит позиция авторов «Стэнфордской энциклопедии философии», считавших, что благонамеренность в некоторых случаях оправдывает манипуляцию с этической точки зрения [30].

Рассмотрение технологий уловок и манипуляции в исследованиях отечественных и зарубежных ученых позволило нам проанализировать коммуникационные технологии воздействия в выступлении адвоката П. А. Александрова в защиту Веры Засулич, одной из первых участниц революционного движения в Российской империи. При анализе данного публицистического текста нам не хватило приёмов, выделенных учёными ранее, и мы ввели ряд своих, таких как драматизация, навязывание вывода, игра с наклонениями, а также подмена субъекта, которая в некотором смысле схожа с пассивизацией перформативов у А. А. Даниловой.

Что касается уловки «внушение», выделенной С. И. Поварниным, мы переименуем её в суггестию, выражающуюся с помощью повторов, ряда отрицаний и т. п. (И. М. Дзялошинский говорит в подобных случаях о «суггестивных технологиях» [11, с. 475–484]). Однако мы не знаем доподлинно, были ли, например, плеоназмы и повторы осознанным речевым выбором или они являлись следствием ораторской некомпетентности (и тогда это будет ошибкой, но вряд ли от выдающегося юриста можно ожидать некомпетентности, но, тем не менее, мы не можем гарантировать, что повторы были неслучайными). В любом случае эти повторы и плеоназмы работали на убеждение и внушение.

Как известно, 24 января 1878 года Вера Засулич совершила покушение на петербургского губернатора Ф. Ф. Трепова. До совершения преступления она уже была один раз осуждена за связь с настроенным антиправительственно С. Г. Нечаевым, через два года после своего освобождения она стала членом народнического кружка «южных бунтарей» и готовила крестьянское восстание. Свой выстрел почти в упор в генерала она объясняла желанием отомстить за несправедливое наказание арестованного Боголюбова розгами, которые в тот момент в России уже были запрещены. Жестокая расправа над Боголюбовым была совершена 13 июля 1877 года. Для понимания исторического контекста нам важны обе даты, так как оратор в своей речи будет к ним постоянно обращаться.

12 апреля 1878 года состоялся суд присяжных заседателей по делу, председателем был А. Ф. Кони, защитником – П. А. Александров.

В своей защитительной речи адвокат прежде всего обращает внимание судей на мотив преступления, связывая его с днём 13 июля, а также рисует психологический портрет преступницы, фокусируя внимание на ее поле и возрасте.

Итак, перейдем к рассмотрению приемов манипулирования. Отметим, что все приемы в сущности своей могут иметь различный характер, это могут быть как намеренные нарушения логики, так и психологические уловки. И конечно, все они проявляются посредством языковых средств. Мы начнем анализ с приемов психологического воздействия.

Обратим внимание на многочисленные *инсинуации* в тексте оратора – приемы, подрывающие доверие аудитории к противнику. Например, о правосудии говорится так:

«... Кто вступится за опозоренного Боголюбова, кто вступится за судьбу других несчастных, находящихся в положении Боголюбова? Засулич ждала (здесь и далее курсив наш. – Е. П., Н. Я.) этого *заступничества от печати*,

она ждала оттуда поднятия, возбуждения так волновавшего ее вопроса. Памятуя о пределах, *молчала печатать. Ждала Засулич помощи от силы общественного мнения. Из тиши кабинетов, из интимного круга приятельских бесед не выползло общественное мнение. Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие...* Но о нем ничего не было слышно» [23, с. 36].

Данный фрагмент может иметь такой подтекст: Засулич ждала, когда вы (судьи) защитите Боголюбова, но вы этого не сделали, поэтому сами виноваты, что ей пришлось защищать его самой.

Немаловажным манипуляционным приемом в речи П. А. Александрова является *драматизация*. Ею пронизан практически весь текст. Автор становится искусным драматургом и завуалированно разворачивает трагические сцены перед слушателями. Эти сцены – не сцены покушения Засулич на губернатора, не ее роковой выстрел. Это совсем иные сцены, которые демонстрируют, например, телесные наказания революционера Боголюбова, мучащие Веру мысли о несправедливости властей и т. п.:

«Не звуки цепей смущали душу, но мрачные своды мертвого дома леденили воображение: рубцы – позорные рубцы – резали сердце, и замогильный голос заживо погребенного звучал:

Что ж молчит в вас, братья, злоба,

Что ж любовь молчит?

И вдруг внезапная мысль, как молния, сверкнувшая в уме Засулич: "А я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик, в моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!"» [23, с. 36].

У Александрова действующими лицами являются голоса, мысли, чувства Засулич, он их оживляет и цитирует в своей речи. В данном фрагменте голос и мысль, как два собеседника, обсуждают на сцене перед зрителями проблему защиты Боголюбова.

Следующий прием для рассмотрения – использование *оценочных эпитетов*, закрепляющих в сознании реципиента необходимые автору коннотации. Примеры:

1) «В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть *самого беззаветного*, но и *самого нерасчетливого* самопожертвования» [23, с. 38].

2) «Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой *надломленной, разбитой* жизни. Без упрека, без *горькой* жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть *честного* и *благородного* порыва» [23, с. 42]. Все эти эпитеты создают необходимый оратору образный ряд, усиливают напряжение аудитории и предлагают ей определенную оценку ситуации.

Александров мастерски использует прием *навязывания вывода* аудитории. Приведем несколько примеров:

«Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом <...> Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека <...> нужно быть сестрой, женой, любовницей?» [23, с. 33].

Риторические вопросы позволяют аудитории навязать необходимый оратору ответ.

«Кто же вступится за поруганную честь *беспомощного* каторжника? Кто смоем, кто и как искупит тот позор, который навсегда *неутешимой* болью будет напоминать о себе *несчастному*? <...> Но кто и как изгладит в его сердце воспоминание о позоре, о *поруганном* достоинстве; кто и как смоем то пятно, которое на всю жизнь останется *неизгладимым* в его воспоминании? Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая? Много товарищей по несчастью у Боголюбова – неужели и они должны существовать под страхом всегдашней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову?» [23, с. 35].

С помощью риторических вопросов и эмоционально маркированных эпитетов, усиленных анафорой, автор вновь вызывает у аудитории сильнейшую эмоцию. Возможно, данный фрагмент вызвал у слушателей дела волнение, переживание, возмущение условиями содержания в тюрьмах «несчастных, беспомощных каторжников».

Прием *подмена субъекта* также находит свое отражение в рассматриваемой речи. Следует отметить, что мы его нередко встречаем и сейчас в текстах СМИ. С помощью замены активного залога на пассивный можно мастерски завуалировать и скрыть от аудитории действующее лицо. Приведем пример:

«*Мысль не проверяется, не обсуживается, ей служат, ей рабски повинуются, за ней следуют. Нет критического отношения, имеет место только безусловное поклонение. Тут обсуживаются и обдумываются только подробности исполнения, но это не касается сущности решения. Следует ли или не следует выполнить мысль – об этом не рассуждают, как бы долго ни думали над средствами и способами исполнения. Страстное состояние духа; в котором зарождаются и воспринимаются мысль, не допускает подобного обсуждения; так вдохновенная мысль поэта остается вдохновенной, не выдуманной, хотя она и может задумываться над выбором слов и рифм для ее воплощения*» [23, с. 37].

В данном случае мы видим, как активный залог переводится в пассивный, который менее характерен для русского языка. Оратор говорит, не «Вера не проверила мысль», а «Мысль не проверяется», не «Вера обдумала подробности исполнения», а «Подробности обдумываются». С девушки как бы снимается ответственность за происходящее, будто бы мысль сама пришла, подробности сами обдумались, пистолет сам нашелся и сам выстрелил.

Для более полного понимания данного приема приведем еще два примера:

«...Но *ее месть* всего менее *интересовалась* лицом отомщаемым; *ее месть окрашивалась, видоизменялась, осложнялась* другими побуждениями» [23, с. 38]; «Этими обсуждениями и *определились намерения* Засулич. Совершенно достоверным поэтому *представляется* то объяснение Засулич...» [23, с. 38].

Субъект действия вновь умалчивается. А объект (неодушевленный объект) выступает в активной роли, так как в предложении он является подлежащим. Не Засулич определила свои намерения, а они сами определили *СЬ*. «Объяснение представляется достоверным». Но кому представляется? И почему достоверным? Кроме пассивного залога, не меньшую роль играет возвратность глаголов, так как их действие может быть направлено только на субъект этого действия, а не на какой-то объект, а когда в роли субъекта выступают такие лексемы, как «мысль», «обсуждения», «объяснения», то Вера автоматически исчезает с поля зрения аудитории.

Итак, мы рассмотрели манипулятивные приемы, связанные с психологическим содержанием. Все они представляют когнитивное воздействие на аудиторию. Но П. А. Александров не ограничивается ими, а добавляет в свою речь уловки, позволяющие посредством намеренных логических нарушений убедить слушателя в невиновности Веры Засулич.

Одна из таких уловок – *ложное обобщение*. Приведем пример:

«Если с этой точки зрения общей справедливости смотреть на наказание, примененное к Боголюбову, то понятным станет то *возбуждающее, тяжелое* чувство негодования, которое *овладевало всяким* неспособным безучастно относиться к нравственному истязанию над ближним» [23, с. 32].

Ложное обобщение заключается в том, что не все испытывали негодование к наказанию розгами. Большая часть дворянского населения, как автор сам сказал в начале речи, наоборот негодовала, когда розги отменили. В этом фрагменте используются еще и оценочные эпитеты для формирования сильной эмоции аудитории.

Не менее интересным для нас будет уловка – *недосказанное основание*. С помощью примера рассмотрим сущность данного приема. «*Аффект не переходит в холодное размышление и остается аффектом*».

1. Засулич была в состоянии аффекта.
2. Аффект не соизмерим с холодным размышлением.
3. Следовательно, Засулич действовала необдуманно.

В обобщенных фразах представляется первая посылка, но автор не доказывает ее, а сразу переходит к следующей.

Попробуем сами понять, что в судебном деле принято считать аффектом. Согласно «Большому юридическому словарю», аффект бывает двух видов: физиологический и патологический. Первый «не лишает человека возможности сознавать, контролировать свое поведение и отвечать за него. Преступление, совершенное в состоянии физиологического аффекта, (состоянии душевного

волнения), не исключает уголовной ответственности лица, но при определенных условиях она может быть смягчена. Патологический аффект представляет собой временное расстройство психики, при нем наступает глубокое помрачение сознания и утрата способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, лицо в таких случаях признается невменяемым» [6]. Настаивая на том, что Вера – натура экзальтированная и действовала необдуманно, оратор, видимо, имеет в виду патологический аффект, но в этом случае девушка вообще не имела возможности ничего обдумывать, даже то, как достать пистолет. В таком случае ей было бы все равно, в кого стрелять, в генерала или в своих близких.

Следующий вид уловки мы находим в тексте выступления П. А. Александрова – это *круг в доказательстве*. Пример:

«...Она действительно могла бы выстрелить совершенно в упор и выбрать самое опасное направление. Вынув из кармана револьвер, она направила его так, как пришлось: не выбирая, не рассчитывая, не поднимая даже руки. Она стреляла, правда, в очень близком расстоянии, это делало выстрел более опасным, но иначе она и не могла действовать» [23, с. 39].

Круг в доказательстве получается за счет наклонения. Вначале условное, которое подразумевало под собой, что она могла бы, но не сделала, а в конце изъявительное – она стреляла с близкого расстояния, и поэтому выстрел был опасен.

Последний вид уловки, который нам встретился в анализируемом тексте, это *подмена тезиса*:

«Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко – только одновременно высказанное учение преждевременно провозглашенного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время» [23, с. 31].

Подмена тезиса производится за счет подмены содержательной части термина «преступление». Данная уловка строится на топе определения, и если отталкиваться от того представления преступлений, которое предлагает Александров, то можно оправдать вообще любой поступок, любое убийство в конечном счете.

Как известно, судом присяжных Вера Засулич была оправдана. Исследователи считают оправдательный вердикт заслугой адвоката обвиняемой П. А. Александрова, а также отчасти – председательствующего А. Ф. Кони. Пресса, освещавшая ход процесса, и публика также заняли сторону В. Засулич, превратившейся в общественном сознании в «жертву» «палача» Трепова.

Одним из немногих изданий, не поддержавших всеобщего ликования по поводу оправдательного приговора, стали «Московские ведомости» М. Н. Каткова, трезво оценившие юридическую сторону вопроса [20]. Анализируя ход процесса, М. Н. Катков фиксирует манипулятивную подмену образа преступницы – образом «жертвы», и наоборот, образа пострадавшего – образом «палача», что дает ему

основания иронично назвать дело Веры Засулич «делом Петербургского градоначальника Трепова, судившегося по обвинению в наказании арестанта Боголюбова» [15, с. 161]. В *мифологическом манипулировании* (манипуляции посредством актуализации ментально-мифологических конструктов и воздействия на архетипы [12, с. 7]), активно применявшемся во время процесса, помимо архетипов палача и жертвы, издание отмечает также активное использование архетипа мстительницы. По мнению обозревателя газеты князя Н. Голицына, Вера Засулич манипулировала сочувствием публики, представ перед ней «в роли карающей Немезиды» [8].

ВЫВОДЫ

Таким образом, успех адвокатской речи П. А. Александрова на процессе Веры Засулич можно объяснить умелым использованием коммуникационных технологий влияния: приемов психологического воздействия и намеренных логических нарушений. Среди приемов психологического воздействия особенно следует отметить драматизацию, заставляющую аудиторию то испытывать негодование, то сочувствие, то душевную боль. За счет этого аудитория находится в сильном эмоциональном напряжении. Также обращает на себя внимание активное использование мифологического манипулирования через обращение к архетипам жертвы, палача, мстительницы. В числе намеренных логических нарушений в данном тексте по силе влияния мы можем выделить круг в доказательстве и подмену тезиса. Обобщая сказанное, можно утверждать, что все приемы были использованы автором как единое целое, все они взаимосвязаны: каждый прием вытекает из предыдущего и усиливает его, не давая аудитории времени на осмысление отдельной фразы или отдельного предложения, благодаря чему публицистический текст достигает желаемого эффекта. Указанные приемы наглядно показывают, как решалась судьба исторической личности Веры Засулич. Использование коммуникационных технологий влияния, на наш взгляд, объясняет принятый судом присяжных оправдательный вердикт.

Список литературы

1. *Аристотель*. Поэтика ; Риторика. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. – 346 с.
2. *Аронсон Э., Пратканис Э.* Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения повседневное использование и злоупотребление. – Санкт-Петербург: прайм-ЕВРО ЗНАК, 2002. – 384 с.
3. *Асмус В. Ф.* Логика. – Москва: УРСС, 2001. – 386 с.
4. *Бернейс Э.* Пропаганда. – Москва: Hippo Publishing, 2010. – 176 с.
5. *Бессонов Б. Н.* Идеология духовного подавления. – Москва: Изд. МГУ, 1971. – 295 с.
6. Большой юридический словарь. – Режим доступа: <https://juridical.slovaronline.com>. – (Дата обращения: 23.01.2021).
7. *Винокур В. А.* Уловки в споре. – Санкт-Петербург: Речь, 2005. – 142 с.
8. *Голицын Н.* Сюрприз // Московские ведомости. – 1879. – 8 июля.
9. *Грачев Г. В., Мельник И. К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – Москва: ИФРАН, 1999. – 230 с.
10. *Данилова А. А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации. – Москва: Добросвет : Изд-во «КДУ», 2009. – 232 с.

11. Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – Москва: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.
12. Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в СМИ: Учебно-методическое пособие. – Москва: «Гуманитарный институт», 2006. – 44 с.
13. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита. – Москва: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
14. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – Москва: Алгоритм, 2000. – 685 с.
15. Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1878 г.. – Москва: Издание С. П. Катковой, 1897. – 594 с.
16. Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – 237 с.
17. Липпман У. Общественное мнение. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
18. Милль Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной. – Москва: URSS, 2011. – 828 с.
19. Панкратов В. Н. Уловки в спорах и их нейтрализация. – Москва: Рос. пед. агентство, 1996. – 43 с.
20. Перевалова Е. В. Освещение процесса Веры Засулич в газете М.Н. Каткова «Московские ведомости» // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4, № 1. – С. 29–41.
21. Поварнин С. И. Искусство спора: О теории и практике спора. – Петроград: Начатки знаний, 1923. – 128 с.
22. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. Санкт-Петербург: Речь, 2004. – 256 с.
23. Судебные речи известных русских юристов: Сборник. – Москва: Госюриздат, 1957. – 871 с.
24. Фролова В. В. Уловка как речевой прием достижения цели в бытовом и публичном общении: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Москва, 2009. – 24 с.
25. Шевченко Е. В. Коммуникативные особенности английских и русских юридических речевых актов, речевых стратегий и тактик: На материале языка художественных и публицистических произведений: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19. – Краснодар, 2003. – 24 с.
26. Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. – Санкт-Петербург: Питер, 2014. – 303 с.
27. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – Москва: Мысль, 1980. – 326 с.
28. Шопенгауэр А. Искусство побеждать в спорах. – Москва: Эксмо, 2015. – 125 с.
29. Шостром Э. Человек-манипулятор: Внутрен. путешествие от манипуляции к актуализации. – Москва: Апрель-Пресс: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2004. – 190 с.
30. Noggle R. The Ethics of Manipulation // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-manipulation/>. – (Дата обращения: 12.03.2023).

References

1. Aristotel. *Pojetika; Ritorika* [Poetics; Rhetoric]. St. Petersburg, Azbukaklassika Publ., 2010. 346 p.
2. Aronson Je., Pratkanis Je. *Jepoha propagandy: Mehanizmy ubezhdenija povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie* [The Age of Propaganda: Persuasion Mechanisms, Everyday Use and Abuse]. St. Petersburg, prajmEVRO ZNAK Publ., 2002. 384 p.
3. Asmus V. F. *Logika* [Logic]. Moscow, URSS Publ., 2001. 386 p.
4. Bernejs Je. *Propaganda* [Propaganda]. Moscow, Hippo Publishing, 2010. 176 p.

5. Bessonov B. N. *Ideologija duhovnogo podavlenija* [The ideology of spiritual suppression]. Moscow, MGU Publ., 1971. 295 p.
6. *Bol'shoj juridicheskij slovar'* [Large legal dictionary]. Available from: <https://juridical.slovaronline.com>. (accessed 23 January 2021).
7. Vinokur V. A. *Ulovki v spore* [Tricks in the dispute]. St. Petersburg, Rech Publ., 2005. 142 p.
8. Golicyn N. *Sjurpriz* [Surprise]. *Moskovskie vedomosti*, 1879, July 8.
9. Grachev G. V., Mel'nik I. K. *Manipulirovanie lichnost'ju: organizacija, sposoby i tehnologii informacionnopsihologicheskogo vozdejstviya* [Personality manipulation: organization, methods and technologies of information and psychological impact]. Moscow, IFRAN Publ., 1999. 230 p.
10. Danilova A. A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoj informacii* [Word manipulation in the media]. Moscow, Dobrosvet Publ.: Publishing «KDU», 2009. 232 p.
11. Dzialoshinskij I. M. *Kommunikativnoe vozdejstvie: misheni, strategii, tehnologii* [Communicative impact: targets, strategies, technologies]. Moscow, NIU High School of Economics Publ., 2012. 572 p.
12. Dzialoshinskij I. M. *Manipuljativnye tehnologii v SMI* [Manipulative technologies in the media]. Moscow, Gumanitarnyj institute Publ., 2006. 44 p.
13. Docenko E. L. *Psihologija manipuljacji. Fenomeny, mehanizmy, zashhita* [Psychology of manipulation. Phenomena, mechanisms, protection]. Moscow, CheRo Publ., MGU Publ., 1997. 344 p.
14. Kara-Murza S. *Manipuljacija soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, Algoritm Publ., 2000. 685 p.
15. Katkov M. N. *Sobranie peredovyh statej «Moskovskih vedomostej». 1878.* [Collection of leading articles of the “Moscow News”. 1878.]. Moscow, Edition by S. P. Katkova, 1897. 594 p.
16. Lassujell G. D. *Tehnika propagandy v mirovoj vojne* [Propaganda Technique in the World War]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 237 p.
17. Lippman W. *Obshhestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation Publ., 2004. 384 p.
18. Mill D. S. *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoj* [A system of logic, ratiocinative and inductive]. Moscow, URSS Publ., 2011. 828 p.
19. Pankratov V. N. *Ulovki v sporah i ih neitralizacija* [Tricks in disputes and their neutralization]. Moscow, Russian Pedagogical Agency Publ., 1996. 43 p.
20. Perevalova E. V. *Osveshhenie processa Very Zasulich v gazete M.N. Katkova «Moskovskie vedomosti»* [Publicizing of process of vera zasulich in M. N. Katkov's newspaper «Moskovskie Vedomosti»], *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2015, vol. 4, no.1, pp. 29–41.
21. Povarnin S. I. *Iskusstvo spora: O teorii i praktike spora* [The art of dispute: On the theory and practice of dispute]. Petrograd, Nachatki znaniy, 1923. 128 p.
22. Sidorenko E. V. *Trening vlijaniya i protivostojaniya vlijaniju* [Training of influence and opposition to influence]. St. Petersburg, Rech Publ., 2004. 256 p.
23. *Sudebnye rechi izvestnyh russkih juristov: Sbornik* [Judicial speeches of famous Russian lawyers: Collection]. Moscow, Gosjurizdat Publ., 1957. 871 p.
24. Frolova V. V. *Ulovka kak rechevoj priem dostizheniya celi v bytovom i publichnom obshhenii: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [A trick as a speech technique for achieving a goal in everyday and public communication. Thesis]: 10.02.01. Moscow, 2009. 24 p.
25. Shevchenko E. V. *Kommunikativnye osobennosti anglijskih i russkih juridicheskikh rechevyh aktov, rechevyh strategij i taktik : Na materiale jazyka hudozhestvennyh i publicisticheskikh proizvedenij : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Communicative features of English and Russian legal speech acts, speech strategies and tactics: On the material of the language of artistic and journalistic works. Thesis]: 10.02.19. Krasnodar, 2003. 24 p.

26. Shejnov V. P. *Manipulirovanie i zashhita ot manipuljacij* [Manipulation and protection from manipulation]. St. Petersburg, Piter Publ., 2014. 303 p.
27. Shiller G. *Manipuljatory soznaniem* [Manipulators of consciousness]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 326 p.
28. Shopengaujer A. *Iskusstvo pobezhdat' v sporah* [Art to win in disputes]. Moscow, Jeksno Publ., 2015. 125 p.
29. Shostrom Je. *Chelovekmanipuljator: Vnutren. puteshestvie ot manipuljacji k aktualizacii* [Manipulator: Internal. journey from manipulation to actualization]. Moscow, Aprel' Press Publ.: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2004. 190 p.
30. Noggle R. *The Ethics of Manipulation*. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/ethicsmanipulation/> (accessed: 12 March 2023).

COMMUNICATION TECHNOLOGIES OF IMPACT IN P. A. ALEKSANDROV'S JUDICIAL PUBLICITY

E. S. Plaksina, N. V. Yablonovskaya

The article is devoted to the characteristics of communication technologies of influence and their analysis in the text of the court speech of the outstanding lawyer of the 19th century P.A. Alexandrov at the trial of Vera Zasulich. As a result of the work, specific examples were identified that demonstrate the communication technologies of the author's influence on the audience – manipulations and tricks. Through text illustrations, brief comments were given with definitions of a specific type of trick and manipulation, the structure and essence of such techniques were revealed. Among the methods of psychological influence, one should especially note the dramatization, which makes the audience either feel indignation, or sympathy, or mental pain. Due to this, the audience is in a strong emotional tension. Also noteworthy is the active use of mythological manipulation through the appeal to the archetypes of the victim, the executioner, the avenger. Among the intentional logical violations in this text, in terms of the strength of influence, we can single out the circle in the proof and the substitution of the thesis. The authors note that all the techniques were used as a whole, they are all interconnected: each technique follows from the previous one and enhances it, without giving the audience time to comprehend a single phrase or a single sentence, thanks to which the journalistic text achieves the desired effect. These methods clearly show how the fate of the historical personality of Vera Zasulich was decided. The use of communication technologies of influence, from the point of view of the authors, explains the verdict of not guilty adopted by the jury.

Key words: manipulation, trick, psychological impact, logical errors, communication technologies, Russian judicial journalism.